

Романы для девочек

Сестры ВОРОБЕЙ

Друзья познаются в беде

«РОСМЭН»

Романы для девочек

Вера и Марина Воробей
Друзья познаются в беде

«РОСМЭН»

2003

Воробей В.

Друзья познаются в беде / В. Воробей — «Росмэн»,
2003 — (Романы для девочек)

У Светы Красовской случилось несчастье – пропала семейная ценность работы самого Фаберже. И как назло родители в отъезде... Что делать в такой ситуации? На помощь приходят друзья из прежней школы – Туся и Лиза, а с ними Толик, Кирилл и Марк. Для среднего школьного возраста.

© Воробей В., 2003

© Росмэн, 2003

Содержание

1	5
2	10
3	15
4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Вера и Марина Воробей

Друзья познаются в беде

Роман

1

Света выключила телевизор, едва зазвучала знакомая музыка из молодежного сериала и побежали заключительные титры. Туся Крылова сегодня не появилась на экране, да и сама серия оказалась так себе – на четверочку с двумя минусами. Что поделаешь, иногда и у сценаристов бывают проколы, которые не под силу вытянуть даже такому талантливому режиссеру, как Константин Сергеевич Коробов.

Стрелки часов, неумолимо приближающиеся к вечеру, были для Светы немым укором. «Отступать дальше некуда», – решила она, собралась с духом и засела за домашнее сочинение. Тема была интересная, но совсем непростая. Это вначале лицеистки 9 «Г» не разобрались что к чему. Стоило новой преподавательнице словесности мелом вывести на доске: «Мой настоящий друг», как все скептически захмыкали, а Людочка Зверева заявила:

– Что за сопли в бланманже!

За «язык» ей тут же влетело от Миры Григорьевны. Зверева, правда, попыталась настоять, что это не жаргон, а сленг, как в банковской российской рекламе, но у нее этот номер не прошел. Ей даже замечание в дневник накатали – за попытку сорвать урок.

Света сидела за письменным столом, в окружении книг, и размышляла: так кто же ее настоящий друг? О ком ей писать, да еще не менее четырех страниц, когда у нее с друзьями не густо? И ничего удивительного в этом нет. Она ведь дочь кадрового военного, чьи семьи живут на чемоданах. Да за свои шестнадцать лет, если вдуматься, Света сменила больше школ, чем папины подопечные казарм! Вот и получалось, что подружки у Светы были повсюду, в каждом классе, но времени, чтобы завязать с ними близкие отношения, у нее не хватало. Больше обстоятельства мешали, но иногда и характер подводил. Хочешь не хочешь, а приходится признать: избаловали ее с детства родительской любовью, возмещая житейские неудобства. Вероятно, поэтому Света не смогла ужиться в нормальной московской школе, с нормальными ребятами, такими, как Туся Крылова – юная звезда телеэкрана, Лиза Кукушкина, сестры АББА или влюбленный в нее двоечник Борька Шустов. Все ей казалось, что она, генеральская дочка, красавица и умница, достойна лучшего – лучшей подруги, лучшего парня, лучшей школы. А между прочим, еще Оскар Уайльд, великий знаток человеческой души, сказал: «В этом мире есть только две трагедии: одна из них не получить то, о чем мечтаешь, другая – получить это».

Ну перевели ее родители в один из лучших женских лицеев Москвы благодаря старому маминому знакомству. Ну устроили на льготных условиях среди доченек российских толстосумов, желая дать прекрасное образование. А толку! Света для большинства из них до сих пор белая ворона. Она, видите ли, стоит не на той ступеньке крутой социальной лестницы. Нет у нее прислуги в накрахмаленном фартуке, иномарки с личным шофером, особняка в три этажа с видеокамерами по периметру участка, равного территории Франции. Поначалу Света расстроилась, что не такая благополучная уродилась, стала на родителей наседать – цифровой плеер требовать, сотовый телефон, как у всех, нарядов подороже и побольше. Но в один прекрасный день опомнилась, приказала себе не впадать в грех зависти, и все сразу встало на свои места. В конце концов, во всем мире встречают по одежке, а провожают по уму.

«Вот и напряги свое серое вещество, подключи интеллект, а то не напишешь ничего путного в сочинении!» – подстегнула себя Света.

В первую очередь она, конечно, подумала о Снежане Ровенской, своей нынешней однокласснице, но тут же отклонила эту мысль. Нет, разумеется, она ее единственная подруга в настоящее время. Но можно ли ее назвать настоящим другом? Вот ведь в чем дело. Одно слово – «настоящий», а сколько вокруг него сомнений?

Нет, раз уж так поставлен вопрос, давайте сначала разберемся. Что это такое – настоящая дружба? Как отличить ее, настоящую, от копий и подделок? В одной научной книге Света наткнулась на фразу «Дружбу надо строить». Ну, допустим. А как ее строить, если Снежана то и дело твердит: «Господи, избавь меня от друзей, а от врагов я уж как-нибудь сама избавлюсь»? Еще умные люди утверждают: «Надо уметь чувствовать рядом с собой человека, уметь понимать его душу». За этой мудростью следует другая: «Чувствовать человека – это значит, прежде всего, понимать мотивы его поступков». Мотивов Снежаниных поступков понять невозможно – они балансируют на грани подсознательного мышления и условных рефлексов. Она могла обидеть ни за что ни про что, наговорить гадостей, а потом первая же полезть за тебя в драку.

Вот недавно Карина Тер-Петросян (та еще штучка!) отмечала свое пятидесятилетие. Все одноклассницы получили приглашение на шашлыки в загородный дом, все, кроме Светы. Снежана отреагировала на это просто и ясно: «Понты и слюни!» (в общем, сленг к месту употребила) – и не поехала. Из-за Светки отказалась, ясное дело. И она была ей за это благодарна. Конечно, их отношения со Снежаной нельзя назвать безоблачными. В конце мая они чуть было не разругались окончательно.

А кому приятно слышать, что тебя выбрали в подруги только лишь потому, что увидели в тебе новую красивую игрушку, в которой интересно покопаться? Ссора была серьезная, и Света никогда не простила бы Снежану, если бы та искренне не извинилась и не предложила дружбу на равных. «Я тебя зауважала, – сказала она. – Я поняла, что ты гордая и что у тебя есть характер». И Света, помня о том, что и сама не без греха, помирилась с подругой. У той тоже ведь не все гладко. Родители на грани развода, вот она и срывается, когда совсем тошно становится. И мамочка у нее с приветом. Ну не в буквальном смысле... Елене Николаевне, холеной королеве, внешние данные дочки не нравятся. Прямо в глаза ей твердит: «В кого ты такая уродилась – маленькая, пухленькая, невзрачная?» Чушь!

Снежана хорошенькая, просто другая. Ну не годится она в манекенщицы, как Светка, но это же не повод, чтобы изводить собственного ребенка укорами и развивать в нем комплекс неполноценности.

И уж если на то пошло, не всем так, как Свете, повезло с внешностью. Все при ней: и фигура, и лицо. Некоторые знакомые утверждают, что она очень на Джулию Робертс смахивает – задорные светло-карие глаза, высокие скулы и большой, мягко очерченный рот. Вот только волосы у Светы не такие шикарные. Всего лишь мелированное темно-русое каре с челкой вместо роскошной кудрявой гривы актрисы. Мелирование Света этим летом отвоевала у родителей. Сначала они поворчали для порядка, а потом признались, что так Свете лучше.

А дружба? В общем, как ни крути, а дружба – понятие сложное, непредсказуемое. Иногда она может связать двух совершенно непохожих людей, и никакие научные труды не в силах этого объяснить.

Взять, к примеру, ее дружбу с Андреем Григорьевым, студентом московской консерватории. Они познакомились в мае, вскоре после того, как Света перевелась в лицей. Андрей оказался одаренным парнем. Он сам писал музыку и исполнял ее на скрипке и фортепьяно. Приехал он из Саратова. Жил в общежитии, скромно жил, на стипендию. Ее не хватало, и Андрею приходилось подрабатывать игрой на скрипке в метро, в переходах. Это Свету нисколько не смущало. Они часто виделись, гуляли в парках, по улицам, много разговаривали. С Андреем было интересно общаться, он твердо шел к намеченной цели, по мелочам не разменивался. У него все было расписано: консерватория, концертная деятельность, творчество, регалии, профессура. Но главное его достоинство состояло в том, что он не лез к Светке со

всякими поцелуйчиками и двусмысленными предложениями: мол, пойдем в кино, но только на последний ряд.

Недавно они на эту тему со Снежаной беседовали. Начала, как обычно, подруга.

– Никак не возьму в толк, – сказала она, прищулив глаза, – что у тебя с этим скрипачом?

– Мы с ним дружим, – ответила Света, предполагая, что за этим следует.

Снежана была продвинутая девчонка, всю жизнь за границей провела. Свободно на английском, немецком и итальянском говорила. А тут еще гормоны в ней разыгрались.

– Дружим, – фыркнула она. – Не верю я в разнополую дружбу. Это как-то аномально. Слушай, Свет, а он, часом, не голубой?

– Да ну тебя. Вечно тебе геи мерещатся, – обиделась Света.

– А что? Я знаешь сколько этого добра в Амстердаме повидала? Там это все узаконено, между прочим. Мальчики могут даже семьи создавать, официально регистрировать браки.

– Да-а! Ну до чего же дошла цивилизация за какие-то две тысячи лет, – взмахнула Света руками, перед тем как сложить ладошки в притворном умилении. – А позвольте спросить, что за цель у такой ячейки общества? Как они прогресс человеческий собираются двигать без продолжателей рода?

– А никак. Или усыновят какого-нибудь китайчонка. За границей бум на приемных детей. У них там отношение одинаковое что к своим, что к чужим. А для прогресса, между прочим, можно себя клонировать за полмиллиона долларов, если он есть. Но я лично считаю, что шесть миллиардов населения – слишком тяжелая ноша для матушки-земли. Значит, вы со скрипачом дружите? – Снежана вернулась к тому, с чего начала. – А может, он просто тебе не в то ушко про любовь шепчет?

– Как это не в то ушко? – заинтересовалась Света.

– А так. Я где-то прочитала, что у женщин левое полушарие отвечает за правое, а у мужчин наоборот. Или наоборот, ну это не важно. А важно то, что когда тебе парень признается в любви, он должен делать это с определенной стороны – то ли справа, то ли слева. – Снежана поморщилась: – Непонятно объясняю?

Но Света уловила суть научных изысканий.

– Что же получается? Если он прошепчет признание в любви в нужное ушко, то до девчонки оно дойдет, а если не в нужное, то она его вроде как не услышит, потому что мозг ее будет настроен на другую волну.

– Ага! Сечешь фишку! – обрадовалась Снежана. – Вот за что я тебя уважаю, Красовская, так это за твою доверчивость и сообразительность.

– Слушай, а ведь это здорово! Это какое мощное оружие против всяких прохвостов. Поворачивайся к нему не тем ухом, и все кино!

– Не проще послать его куда подальше, чем вертеться перед ним, пока с ног не свалишься? – рассмеялась Снежана, но тут ее улыбка пропала. – А у тебя что-то было в той школе, ведь так?

– Нет. – Света замотала головой.

– Было-было, я же вижу: ты от парней шарахаешься, словно черт от ладана. Расскажи! – потребовала она капризным тоном.

– Нечего рассказывать.

– Врешь. А я думала, что мы подруги, все-таки полгода в одном котле варимся.

– В котле? Откуда такие глубокие познания совковой жизни?

– Брось. Я же от тебя не скрываю, что у нас с Гошей «лямур-тужур».

– Не скрываешь, – хмыкнула Света. – Вон у тебя засос на шее еще не прошел. И знаешь, когда парень так откровенно небрежен...

– Ты на меня не сворачивай, – оборвала Снежана Светкино красноречие, требовательно барабанив ногтями по столу. – Колись, my dear friend about your love.

– Мне нечем поделиться, – произнесла Света, твердо решившая сохранить свою тайну от любопытных ушей.

В ее приватную жизнь и без того уже были посвящены слишком многие, можно сказать, из-за этого она из прежней школы и сбежала. Тут Снежана в десятку попала: было сердечное увлечение, но такое, о котором вспоминать не хочется. Опытный Сергей быстро вскружил ей голову, видно, знал, в какое ушко шептать: «Доверься мне». Она, глупая, доверилась, а он ее обманул, поиграл в любовь и остыл. Хорошо, что она нашла в себе силы первой с ним расстаться. Мерзкое, должно быть, ощущение – чувствовать себя брошенной. После этого случая Света решила больше не влюбляться. И не то чтобы она стала дуть на воду, обжегшись на молоке, просто пришла к выводу, что под музыку дружбы легче танцевать, чем под недолговечные аккорды любви.

«Любопытно, – задумалась внезапно Света, – как одноклассники будут выкручиваться из этой ситуации? Захотят ли написать о своих настоящих друзьях?»

Снежана – особа непредсказуемая: от нее можно ждать чего угодно, она свободно может и забить на сочинение. А остальные?

Кому, допустим, Тер-Петросян начнет объясняться в приятельской симпатии? Может, сразу обеим подружкам? У них слаженная тусовка. Тер-Петросян, дочка директора деревообрабатывающего комбината, Людочка Зверева, ее папан директор звукозаписывающей студии, и Ирочка Говердовская, у той родители на телевидении какая-то шишка. Как сойдутся вместе, так и начинают друг друга нахваливать: «Голубушка, как хороша! Какие перышки! Какой носок! И, верно, ангельский быть должен голосок!..» А голосок у Каринки гнусавый, и нос «орлиный» назвать носиком язык не поворачивается. Зверева борется с полнотой всеми доступными способами. У Говердовской и правда миленькая мордашка, изредка благодаря папе мелькает на экране в роли статистки, но до Туськи Крыловой ей далеко, с талантом туговато.

«Не отвлекайся от главного! У тебя какая тема? „Настоящий друг“ – вот и гребь к ней. Стоп!» – Света на лету поймала ускользающую мысль.

А почему обязательно лучшим другом должен быть человек? Кто это сказал? Вот у Юльки Васильевой настоящий друг – ее «пентиум» навороченный.

Она из Интернета не вылезает, да еще на этой умной технике деньги делает. У Юльки отец хоть и крутой мэн, генеральный директор издательства, а дочку правильно воспитывает. Приносит ей подработку – переводы, статейку какую-нибудь набрать. Платит в долларах. Юлька не обижается, у нее пальцы по клавише шустро бегают. Она так и спросила Миру Григорьевну:

– Можно, я на дискетке сочинение сдам? Или в распечатке?

У некоторых лицеисток в этом месте «шарики с роликами» быстро заработали. Распечатка – это фишка! Можно заказать сочинение какому-нибудь буквоеду, а сдать как свое собственное. Почерк ведь не определишь, а мысли? Кто же в них разберется? Твои они или у кого-то позаимствованы. Может, ты о дружбе думаешь точь-в-точь, как Дейл Карнеги.

Но Мира Григорьевна, бывшая преподавательница педагогического университета, не сплеховала.

– Нет, – сказала она Юле, – я в некоторых вопросах консерватор. Так что придется писать вам сочинения по старинке. Кроме того, всем вам, наверное, известно, что почерк человека может многое рассказать о его характере. Так что я убью сразу двух зайцев. Буду читать ваши работы и размышлять над вашими характерами.

– Даже трех убьете, – подсказала Ольга Дубровская. – Третий заяц – грамматика. Она у меня хромает, – призналась дочка нефтяного магната – неплохая, в сущности, девчонка.

Вот, кстати, о зайцах! Бывают же четвероногие друзья самые что ни на есть настоящие. У Лизы Кукушкиной ее рыжий перс – такое чудо! Никаких подруг не нужно! Хотя у нее лучшая подруга – Туся. У Сони Ветриной, лицеистки из параллельного класса, прекрасный друг

чау-чау по кличке Принц. В одной книжке о чау-чау так и было написано: «Чистоплотный „мишка“-тиран бесконечно предан только одному хозяину». А раз предан, значит, настоящий друг. И вообще, в книгах много чего любопытного можно почерпнуть для себя.

В это мгновение над Светой разверзлись небеса, сверкнула молния, ударил гром, и на нее снизошло озарение! Как же она раньше не сообразила, что книга не только лучший подарок, но и самый что ни на есть настоящий друг! Это же Эльдorado! Тут такое сочинение можно написать, четырех страниц не хватит!

2

Света вышла из метро, накинула на голову капюшон искусственной дубленки (в таких сейчас пол-Москвы молодежной ходит) и бодро зашагала к лицу. Погода стояла промозглая. Небо с утра заволокло тучами, по земле гулял ветер, поднимая пыль и бумажки, кружа замерзшие, жухлые листья. Сегодня как-то особенно ощущалась близость зимы. Может быть, поэтому на лицах многих людей, спешивших на работу, была написана скука.

Свернув в переулок, Света увидела темно-вишневый «мерс», он плавно двигался вперед, отыскивая лазейку среди «Вольво», «БМВ» и джипов. Сюда мало кто добирался общественным транспортом – с полсотни учениц да с десятков учителей; остальные вот так, с помпой. В конце концов автомобиль припарковался неподалеку от чугунных ворот лицея. Затем распахнулась дверца, и из салона показалась кудрявая золотисто-каштановая головка, а потом и вся Снежана Ровенская.

– Петрович, ты за мной сегодня не приезжай, я мамочку предупредила, что заночую в городской квартире, – распорядилась Снежана, хлопнула дверцей и, обернувшись, заметила Свету.

– О! Good morning my darling! – Снежана чмокнула воздух возле Светкиной щеки, здороваясь на европейский манер.

– Привет, подруга, – отозвалась Света, кивая Петровичу, личному шоферу Ровенских.

Он наклонился к дымчатому стеклу, чтобы выяснить, с кем это хозяйская дочка беседует. Увидев Свету, Петрович по-свойски ей подмигнул, после чего двигатель ожил. Автомобиль с шиком развернулся, блеснул отполированным до блеска крылом и исчез за поворотом.

Не успели они остаться одни, как Снежана сразу же предложила:

– Может, свалим отсюда, пока не поздно?

– Нет, я не согласна. – Света замотала головой и направилась к современному зданию из стекла и бетона, отсекая всяческие попытки ее отговорить. – Мне прогуливать нельзя, у меня нет папочки-спонсора, перед которым расшаркиваются.

– Да помню я, помню, что ты у нас особенная. – Снежана догнала Свету, взяла ее под руку, изучающе заглянула в глаза: – А чего это ты сегодня такая...

– Какая?

– Не в настроении.

Света поморщилась:

– Так заметно?

– Мне заметно. Так в чем проблемы? В магнитных бурях? В критических днях?

– В родителях.

– О! – сочувственно выдохнула Снежана. – Вечный камень преткновения. И жить с ними невозможно, и бросить жалко. – И пояснила свои глубокие умозаключения: – Я тут на днях заикнулась мамочке, что хочу к отцу на зимние каникулы, так она раскудаhtалась, прямо как взбесившаяся курица. Ну, с моими все и так понятно: у них вся жизнь – борьба противоположностей, а твои-то чем тебе не угодили?

– Вторым медовым месяцем.

– Это как? – Снежана даже с шага сбилась от неожиданности.

– А так. В Америку собрались, – с горечью произнесла Света, – во Флориду, на три недели. У отца командировка, а мать вовремя подсуежилась. «Светочка, все так замечательно совпало: у меня очередной отпуск, бешеная премия с неба упала, и загранпаспорт два года без дела лежит», – повторила Света доводы, которыми ее вчера весь вечер потчевали. – А я что? Я – не люди? У меня, между прочим, тоже загранпаспорт имеется. И я тоже хочу своими глазами

увидеть статую Свободы, окунуться в Мексиканский залив, побывать в Майями и посмотреть на американский образ жизни.

– Делов-то на копейку! – разочарованно протянула Снежана. – Уверяю тебя, статуя эта доброго слова не стоит. Железяка она и в Америке железяка, хоть и символ.

– Тебе легко говорить, – недовольно отозвалась Света. – Ты родилась за границей. Рим и Париж лучше, чем Москву, знаешь. А я о странах и континентах или из «Клуба путешественников» узнаю, или из журналов с картинками. – Света вздохнула. – Нет, судьба—штука вредная.

– Судьба – это понятие растяжимое, – назидательно заметила Снежана. – Я бы на твоём месте не огорчалась, а плясала бы от радости. У тебя впереди три недели райской свободы! Они – там, ты – здесь, и между вами океан. Никто не зудит над ухом, не лезет с советами, не заставляет...

– Если бы! – перебила Света. – Мама тетку вызвала из Курска. Договорилась с ней, что она у нас все это время поживет.

Снежана присвистнула:

– А как насчет самостоятельности?

– Пробовала. Но мама говорит, что ей так спокойнее будет. Ей спокойнее, а мне какво? Я эту тетю Веру всего несколько раз за свои шестнадцать лет видела. Представляешь, практически незнакомый человек будет перед глазами мельтешить с утра до вечера и еще указывать мне, что делать, а что не делать.

– Теперь ясно, чего тебя так заело. Я бы тоже скисла от такой перспективы. Тетка-то хоть молодая?

– Второй год на пенсии. К тому же бывшая учительница математики.

– Да, тяжелый случай, – посочувствовала Ровенская, открывая массивную входную дверь.

Света промолчала. Она вспомнила, как обиделась на родителей, когда они просто поставили ее перед фактом этой поездки. Конечно! В семье военного приказы не обсуждаются, а выполняются. Предки, правда, чувствовали себя без вины виноватыми. Вчера целый вечер задабривали дочку. Мама обещала ей кучу всяких подарков, а папа-летний недельный отдых на Кипре. Последний подкуп произвел на Свету сильное впечатление, и только она решила: «Подумаешь, Америка, у меня вся жизнь впереди, успею», как мама взяла и сообщила про тетю Веру. Спрашивается, кто такое насилие над личностью стерпит? Света не смогла, объявила молчаливую войну, от ужина отказалась, сославшись на отсутствие аппетита. В конце концов, ей шестнадцать лет, она вполне может справиться без нянек.

– Свет! – Снежана пощелкала пальцами перед Светкиным лицом. – Не отключайся! Лучше скажи: какой у нас первый урок по расписанию?

– Биология.

– Жуть. У меня на нее аллергия.

– А на что у тебя нет аллергии? – уточнила Света, изо всех сил сдерживая улыбку.

Снежана задумчиво нахмурила лоб:

– На английский и физическое воспитание.

Подруги рассмеялись, и Света подумала: «У Снежаны, конечно, множество недостатков, но скучать с ней не приходится. Из нее жизнь просто ключом бьет».

На биологии выяснилось, что Валентина Михайловна приготовила для всех сюрприз. С ней тоже скучать не приходилось.

– Надеюсь, вы не забыли, что сегодня у нас заключительная тема по разделу «Кровообращение»?

– Нет, не забыли, – ответили несколько активистов.

– Это замечательно, потому что сейчас я познакомлю вас с одним историческим фактом, советую вам не отвлекаться и слушать меня внимательно, потому что в конце моего рассказа вас ждет небольшая самостоятельная работа.

– У-уууу, – гул разочарованных голосов прокатился по классу.

– Тихо, тихо, девочки! Вы крадете собственное время, – напомнила Валентина Михайловна, поправила строгий французский пучок и без дальнейших предисловий приступила к изложению исторических событий: – Четыре с половиной века назад в роскошном миланском замке герцога Моро готовились к новомуднему празднику. Герцог собирался показать своим гостям такие чудесные представления, которых еще не видел свет.

– Миленькое начало, – громко шепнула Снежана, сидевшая прямо за Светой, на последней парте у стены.

Биологичка, подобно громовержцу Зевсу, метнула предупреждающую молнию в их сторону.

– Праздником руководил великий художник и никем не превзойденный механик Леонардо да Винчи. – Продолжила она, не сбиваясь с основной мысли. – Он задумал восславить золотой век мира, который сменил железный век с его опустошительными войнами. Для изображения железного века кузнецы по проекту Леонардо сделали огромную фигуру рыцаря, законченного в латы. А золотой век должен был изображать обнаженный мальчик (по рядам прошел возбужденный шепот), с головы до ног покрытый золотой краской (шепот усилился). На эту роль был выбран сын бедного пекаря, – повысила голос преподавательница, давая понять, что ей мешают: оживление среди лицеисток пошло на убыль. – И вот наступили праздничные дни. В самый разгар веселья в освещенном факелами зале появилась фигура железного рыцаря, из его чрева вышел «золотой» мальчик с крыльями и лавровой веткой в руках. Он произнес заученное приветствие герцогу и его гостям. Но праздник не удалось довести до конца, потому что жена герцога почувствовала себя плохо. Гости разъехались. Огни в замке погасли. О «золотом» мальчике в суматохе забыли. Лишь на следующее утро его увидел Леонардо в темном углу. Мальчик дрожал и плакал. Леонардо укутал его в плащ, отнес к себе и три дня ухаживал за ребенком, который метался в жарком бреду. На четвертый день он умер. Прошли века. История «золотого» мальчика, связанная с именем великого художника, не была забыта. Причина его смерти долгое время оставалась нераскрытой и вызывала разные толкования среди ученых. Однако и этому трагическому случаю нашлось свое правильное объяснение. Итак, – закончила Валентина Михайловна, – почему погиб «золотой» мальчик? На этот вопрос вы должны ответить в письменном виде. – Она взглянула на часы. – В вашем распоряжении десять минут, после чего я собираю тетради.

– Вот тебе и раз! – возмутилось несколько учениц, убаюканных красивой сказкой.

– Отметки пойдут в журнал.

– Вот тебе и два! – сказала Ольга Дубровская, вызывая всеобщий нервный смех.

Света быстро начала писать. Все было элементарно. Ответ был дан в учебнике, в том самом разделе «Кровообращение», просто нужно было сопоставить факты, поработать за Эраста Фандорина.

А факты были таковы. Мальчик был покрыт раздражающей кожу золотой краской? Был. Произошло от этого длительное и резкое расширение кожных сосудов? Произошло. Это раз. Мальчик провел ночь в холодном помещении? Провел. Значит, он потерял много тепла, и температура его тела понизилась. Это два. А дальше остается сделать вывод: при охлаждении тела организм ослабевает и становится особенно восприимчивым к заболеваниям, таким, как воспаление легких, грипп, бронхит. «Золотой» мальчик метался в бреду, его мучил жар. «Вероятно, он умер от одной из этих болезней», – написала Света и почувствовала, как в ее спину стучит Снежана.

Света осторожно подвинула тетрадь на край парты, а сама чуть переместилась в сторону. Это было рискованно по двум соображениям. Первое: парты были одноместные, и Света могла упасть со стула, в буквальном смысле грохнуться на пол, на радость ее недругам. Второе (тоже не очень приятное) заключалось в том, что Валентина Михайловна хоть и заполняла журнал, все же не забывала поглядывать поверх очков на лицеисток. К счастью, на этот раз обошлось без неприятностей. Света не опозорилась, Снежана списала, звонок прозвенел, и все остались довольны.

– Давай вечером посидим в «Серебряной стреле», – предложила Ровенская после уроков. Они зашли в экспресс-кафе на углу выпить по чашечке кофе с пирожными. Здесь пекли прелестные, тающие во рту эклеры, и лицеистки часто забежали сюда полакомиться и поболтать. – Во-первых, с меня причитается за «золотого» мальчика, а во-вторых, пора тебе с моим Гошей познакомиться.

– Благодарю за честь, но как раз сегодня я не могу.

– Почему?

– Мы с Андреем договорились встретиться.

– Тем лучше! – быстро прикинула подруга. – Вдвоем приходите! Ну, соглашайся, Свет. – Она требовательно потеребила ее рукав. – А то Гоша уже меня достал. Что, мол, у тебя за неуловимая такая подруга? Третий месяц встречаемся, а она прямо как девочка-невидимка, все о ней слышали, но никто ее ни разу не видел. Кстати, у Гоши...

В последнее время все Снежанины мысли вели к Гоше. Но в одном подруга права: она до сих пор не знакома с ее «лямур-тужур». Знает только, что он коренастый сероглазый шатен, что у него много друзей (в смысле, все везде схвачено) и что у него белая «Тойота». Шикарно, конечно, но непрактично. На одной мойке разоришься.

– А чем он занимается? – внезапно заинтересовалась Света, перебив подругу. – Учится, работает?

– А какая разница? Мне же не замуж за него выходить, – легкомысленно отозвалась Снежана. Она вытащила из сумки пачку «Ригли», сунула одну пластину в рот. – Хочешь? – Света помотала головой. – Как хочешь. – Жвачка исчезла в сумочке. – А я рассказывала тебе, где мы с Гошей познакомились?

– Нет.

– В супермаркете, на Ленинском. Я там конфеты стянула, целых четыре «Мишки».

– Зачем? – К губам Светы приклеилась недоверчивая дурацкая ухмылка.

– Для остроты ощущений. – Подруга невозмутимо погоняла жвачку во рту. – Проверить хотела, заловят на выходе с поличным или нет. А он заметил, как я конфеты в карман заталкиваю, подошел ко мне и спрашивает: «Любишь сладкое, кудрявая?» Я говорю: «Ну, люблю». А у самой сердце екает, а ну как заорет: «Держи вора!» А он спокойно так, не повышая голоса: «Ну и люби себе на здоровье, только зачем же так мелочиться, когда вокруг полно спонсоров?» Взял и купил мне огромную коробку «Вишни в шоколаде». А «Мишек» тех я обратно в ящик бросила, они же с вафлями, я их не ем. – Снежана надула мутный пузырь из жвачки и лопнула его в воздухе. – Надумаешь насчет вечера, приходи. Или приходите, в общем, как получится. Нас в «Стреле» человек восемь соберется. У Гоши друзья компанейские и при деньгах. Ладно, мне пора, – сказала Снежана, попрощалась и ушла.

А Света решила задержаться, ей нужно было подумать. Она помешивала остывший кофе и размышляла над словами подруги. Как же так? Взять и украсть конфеты! И это Снежана, у которой этих конфет дома, как... как... как звезд на небе, подобрала наконец-то Света подходящее сравнение. Нет, ну есть такая болезнь – называется kleptomания, когда больной человек не в силах контролировать свои поступки. Он и рад бы не воровать, да не может. У него в голове будто чертик сидит, тюкает по мозгам молоточком и подначивает: «Возьми... возьми... возьми».

У Снежаны совершенно другой случай. Она щекочет себе нервы, словно ей адреналина – этого гормона эмоций – в крови не хватает. И что самое странное – рассказала об этом Свете как о каком-то веселом приключении. Хотя вроде бы и преступления она не совершила. Света совсем запуталась в морально-этической стороне этой истории. Да и как тут разберешься, когда сплошь и рядом слышишь: вывезли за границу миллионы долларов, перевели наличные счета миллиард рублей, создали финансовую пирамиду и обокрали почти всю страну... А тут четыре «Мишки». Смех и грех!

А может, Снежана все придумала про этот супермаркет, это знакомство и эти конфеты? С нее станется! Бог ее фантазией не обидел. Чего только она не сочиняет, чтобы мамочку и учителей вокруг пальца обвести. Последнее предположение показалось Свете весьма убедительным, и она немного успокоилась. И все-таки в душе остался нехороший осадок, будто она что-то недопоняла из того, что должна была понять, или не сделала то, что должна была сделать.

3

Света увидела Андрея около киоска с цветами, там, где они и договорились встретиться. Андрей ее не замечал. Он стоял, засунув руки в карманы помнившей и лучшие времена кожаной куртки, а ветер трепал его пшеничную челку.

«Высокий, худой, как пострадавшая Останкинская башня, – подумала Света, и тут же, вдогонку первой, промелькнула еще одна мысль: – Может, и стоит сегодня сходить в „Стрелку“. Есть у Андрея деньги или нет —это не важно, у меня на пару безалкогольных коктейлей хватит – родители подбросили, грехи замаливают».

– Привет! – Света легонько хлопнула Андрея по спине ладошкой в кожаной перчатке.

Он обернулся:

– Привет. Как дела?

Обычный обмен привычными фразами.

– Дела как сажа бела, – бодро ответила Света. – А у тебя?

– Примерно так же.

– Партия правой руки не идет или... – Света осеклась, заметив потухший взгляд друга.

Обычно его синие глаза светились энергией, заражая все вокруг своей добротой, а сегодня в них притаилась... потерянность.

– Что стряслось?

– Вадим днем позвонил...

Вадим, брат Андрея, в этом году заканчивал школу. Отца у них не было. Он умер три года назад. С тех пор мама управлялась с сыновьями одна. Вадим, не в пример Андрею, рос шалопаем. Света не сомневалась, что этот звонок касается его очередной выходки в школе. Она ошиблась.

– Маму кладут на операцию...

– Операцию? – ошеломленно переспросила Света. – Какую?

– Что-то женское. – Уголки губ нервно дернулись. – Я в этих вопросах не разбираюсь. Врач сказал, что сама операция несложная, но реабилитационный период займет некоторое время и потребуются щадящий режим. В общем, хороший уход.

Андрей поддел потрепанным ботинком попавшийся случайно каштан. Тот, как колобок, покатился по дорожке, Света проводила его бессмысленным взглядом. Они шли по аллее, усыпанной жухлыми листьями. Под ногами хрустывал тонкий ледок, затянувший лужицы к ночи. Мимо них проносились легковушки и автобусы. Но Света не обращала ни на что внимания. Она внезапно осознала, как хрупок ее счастливый мир. У нее есть мама, папа, они все любят друг друга, у них дружная семья, много родственников, пусть дальних, но все-таки близких людей, которые не оставят в беде, к которым всегда можно обратиться за помощью. Вон, не успела мама тетю Веру попросить, как она сразу сказала: «Приеду». А у Андрея? Только мама и брат. И если с мамой что-то случится, они с братом останутся одни. Об этом даже подумать страшно!

И тут Светина совесть напомнила ей, как отвратительно она вела себя весь вчерашний вечер, как несколько минут назад рассуждала о родительских грехах. Как целое утро накручивала себя, жалуясь Снежане на несправедливость судьбы. В мгновение ока все ее претензии к родителям, все ее жалобы на жизнь превратились в капризы избалованного ребенка.

«Впрочем, так оно и было», – с горечью призналась Света, найдя в себе силы посмотреть правде в глаза. Ей стало стыдно, ей захотелось провалиться сквозь землю, и она тут же поклялась, что непременно извинится перед родителями за свое свинское поведение и прямо с этой минуты начнет ценить то, что имеет.

– Завтра утром я уезжаю, – прервал молчание Андрей. – Думаю, раньше Нового года не появлюсь...

– Так долго! – вырвалось у Светы. – А как же консерватория?

Андрей передернул плечами:

– Наверстаю.

– А в деканате что скажешь? – заволновалась она.

– Справку сделаю. У меня соседка по лестничной клетке медсестра в районной поликлинике. Она мне какую-нибудь болячку придумает, а я в это время за матерью присмотрю и денюжат ей подзаработаю. Думаю, ей потом в санатории не помешает отдохнуть.

– Да, это верно, – горячо поддержала Света и поправила челку. Она, когда нервничала, всегда ее поправляла. – Слушай, Андрей, – она слегка замялась, – а у вас в Саратове как с работой? А то я могу у родителей денег попросить. В долг, – поспешно уточнила она, зная, что Андрей – гордый парень, благотворительности не потерпит.

– Нет, не нужно. – Он благодарно приобнял ее за плечо, но тут же отпустил и сунул руку обратно в карман куртки. – Я тапером побренчу в ночном клубе, там нормально платят, или в официанты пойду, в общем, найду, где пристроиться, руки есть. Главное, чтобы мама... – Тут голос Андрея сорвался, и он отчаянно замотал головой, словно пытался отогнать мрачные мысли.

– Все будет хорошо, – принялась убеждать Света. – Знаешь, еще один римский философ, не помню, как его зовут, но это не важно, так вот он говорил, что людей беспокоят не столько сами события, сколько то, как они об этом думают.

– Глубокая мысль, – согласился Андрей.

Примерно через полчаса на Садовом кольце они расстались. Стоя на подножке автобуса, Света напомнила:

– Ты обязательно звони. И если что будет нужно... может, лекарства какие редкие...

– Я обязательно позвоню. Спасибо, Свет.

– За что?

– За поддержку. Ты отличная девчонка.

Двери с шумом захлопнулись. Андрей помахал ей рукой и пошел к метро. Ему нужно было собираться в дорогу. А Света села на холодное пластмассовое сиденье и принялась смаковать на вкус, как звучит «отличная девчонка». Ей понравилось, но пульс ее не участился, и розы в душе не расцвели...

Поднявшись на свой этаж, Света со всей силы принялась нажимать кнопку звонка.

Делинь-делинь-делинь-делинь!..

– Свет, ты что, с ума сошла! – воскликнула мама, распахивая дверь и прижимая руки к груди. – Ты что трезвонишь, как на пожар! У меня сердце чуть не выпрыгнуло!

– Мапочка! – Света повисла у мамы на шее. – Мапочка! Простите меня, пожалуйста! Я больше не буду такой плохой!

– Что? Что такое? – заволновалась мама.

Из комнаты на шум вышел отец:

– Признавайся, что натворила, горе ты наше?

– Я? Ничего! – До Светы дошло, что она в своем раскаянии перегнула палку. Родители-то не умеют читать ее мысли. – Я за вчерашнее! – пояснила Света, по-идиотски улыбаясь. Она принялась сбрасывать с себя дубленку, шарф, ботинки. – Я очень рада, что вы вместе летите в Америку. Это так здорово! Я так и сказала Снежане: «У моих предков второй медовый месяц скоро начинается!»

Отец с матерью переглянулись. У мамы на лице застыл испуг, у папы – недоумение.

– Странно, еще утром ты молча протестовала, – заметил отец, потирая серебристый висок дужкой очков.

– А теперь не протестую. А вы что, опять недовольны? Нет, на вас не угодишь! И не нужно мне никаких подарков, только фотографии привезите. Все-таки интересно, как там, в этой Флориде.

– А Кипр? – уточнил на всякий случай отец.

– Кипр не отменяется. И пусть тетя Вера приезжает. Мы с ней поладим, я же не законченная эгоистка все-таки. – Света довольно потерла замерзшие руки и добавила: – Чаю хочу!

Мама устало прислонилась к отцу:

– Миш, что с нашей дочерью происходит?

– Взрослеет, наверное, – предположил отец, чмокнул жену в затылок, после чего тактично развернул ее в нужном направлении и отправил на кухню готовить чай.

Перед сном он заглянул к Свете:

– Не спишь?

– Еще нет. – Света отложила книгу. Она перечитывала «Властелина Колец».

– Хочу кое-что уточнить. Можно?

– Давай.

– Это тебя Андрей твой образумил?

– Пап, – простонала Света, – сколько раз я тебе говорила: он не мой, он просто хороший знакомый. Мы с ним общаемся.

Отец сел в кресло, забросил руки за сидящую голову и мечтательно сказал:

– Я тоже в молодости общался с девочками. Помню одну из десятого выпускного, шустрая была. Ее Олей звали.

– Красавица?

– Что? – Отец встрепенулся.

– Оля красивая была?

– А-а... Тогда мне казалось, что красивая.

– А мама об этой первой любви знает? – не без ехидства поинтересовалась Света.

– Ни боже мой! А вообще-то, дочка, когда я повзрослел и стал мудрее, мне открылась истина, что в женщине, как в технике, важна не красота, а надежность.

– А вот эту мудрость я тебе точно советую держать при себе. Мама в последнее время борется за каждый миллиметр своей привлекательности. Увлажняющий крем «Синерджи» в ход пошел. Критический возраст, – пояснила Света.

– Да? – удивился отец и недоверчиво поджал губы. – А я тут недавно прочитал, что к сорока годам у женщины открывается второе дыхание. Кстати, почему это Андрей тебя сегодня не проводил? На него это непохоже.

– И все-то ты у меня замечаешь.

– Мне по штату положено все замечать и быть в курсе всех событий. Как ты там говорила, когда мобильник выпрашивала: «Держать руку на пульсе».

– Я сгораю от стыда. – Света сползла с подушки и на мгновение прикрыла лицо одеялом, потом вынырнула на поверхность, но уже без улыбки: – Но мобильник вещь нужная, сам же признал его преимущества. А у Андрюшки семейные неприятности, пап. У него мама заболела, в больницу кладут. Он завтра утром домой едет.

– Вот оно что. – Глаза у отца вмиг посерьезнели. – Может, парню помощь нужна? Деньги? Консультация у специалистов?

– Я предлагала, пап. Он сказал, что если не сможет справиться сам, то обязательно позвонит.

Отец провел пятерней по волосам.

– Ты вот что, дочь. Ты маме об этом не говори. Не нужно, а то она разволнуется сразу, перейдет на личности. – Отец выразительно посмотрел на нее, давая понять, о какой конкретно

личности будет идти речь. – Начнет придумывать страшилки всякие, накрутит себя так, что вообще от поездки откажется, а этого делать нельзя. Теперь уже нельзя.

Света молча кивнула. Да и что мама могла изменить в этой ситуации? От нее совершенно ничего не зависело, а вот папа... папа мог сделать многое. На этот раз у Светы не осталось сомнений, что папа умеет читать ее мысли, когда ему этого хочется.

– Давай вот как договоримся. Если возникнет необходимость, ты немедленно обратишься к моему помощнику...

– К Пете Селезневу, – радостно закончила за него Света.

– К Пете? – изумился непосредственности дочери Михаил Иванович. – Ему двадцать шесть лет. Он для тебя Петр Васильевич. Понятно?

– Угу!

– Не угу, а так точно. – Отец легонько щелкнул ее по носу, сказал: – Спи, давай! – и вышел.

4

Следующие три дня были примечательны многими интересными событиями, но главным из них было то, что пропала Снежана. Света позвонила ей в Успенское. Елена Прекрасная поставила Свету в известность (она именно так и сказала: «Ставлю тебя в известность!»), что Снежана эту неделю живет в городе. Света поблагодарила и набрала номер телефона городской квартиры Ровенских. Там трубку сняла горничная Зоя. Она сообщила, что «хозяйская дочка» в загородном доме. Неувязка была налицо, получалось, что обе стороны благополучно пребывали в неведении. Света стала названивать на мобильник подруге, но он был отключен. Особых беспокойств это не вызывало, поскольку Снежана и раньше исчезала без предупреждения, запутывая следы. Однако Свету съедало любопытство: куда на этот раз занес подругу попутный ветер?

Света поднялась на третий этаж. До начала первого урока оставалось меньше десяти минут, а в корпусе для старшеклассников, как обычно, стояла тишина. Мелькали одна, две случайные лицеистки, изредка проходили дежурившие пары с повязками на рукавах, появлялись и исчезали учителя, но не было той заражающей суеты, той шумной неразберихи, которую можно увидеть в любой обычной школе перед началом занятий. Раньше это Свету всегда удивляло, теперь она привыкла и к невозмутимому спокойствию вестибюлей, и к широким коридорам, украшенным цветами и статуями. Больше всего Свете нравился роденовский «Мыслитель», которого скульптор создал для «Врат ада». Собственно, возле этой красивой копии они со Снежанкой и познакомились. Еще Свете нравились беседки, увитые плющом, где лицеистки могли отдыхать на переменах, сидя в плетенных из итальянской соломки креслах. Нравилось первоклассное оборудование спортивного и актового залов. Ну и, конечно, учебные классы! Там все было на уровне! Современная техника, рыбки в аквариуме, одноместные парты в два ряда. И в какой бы кабинет в течение дня ни переходили лицеистки, каждая из них занимала свою парту. Светина была у стены, предпоследняя. За последней сидела Снежана, когда появлялась в школе. Всего таких парт было двадцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.